

Кузнецов И. А. Псевдотавтологические вопросно-ответные единства в русской диалогической речи : к проблеме национальной обусловленности моделей фатической коммуникации / И. А. Кузнецов // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 78—96. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-78-96.

Kuznetsov, I. A. (2020). Pseudotautological Question-Answer Unity in Russian Dialog: National Conditioning of the Models of Phatic Communication. *Nauchnyi dialog*, 5: 78-96. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-78-96. (In Russ.).

УДК 81-25+811.161.1'42+81'367.321/.322

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-78-96

ПСЕВДОТАВТОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫЕ ЕДИНСТВА В РУССКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ: К ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ МОДЕЛЕЙ ФАТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

© Кузнецов Игорь Александрович (2020), orcid.org/0000-0003-1683-5507, РИНЦ AuthorID 808804, кандидат экономических наук, соискатель по кафедре современного русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики, федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Нижний Новгород, Россия), доцент кафедры иностранных языков, федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева» (Москва, Россия), igorkuznetz@gmail.com.

Рассматриваются национально обусловленные модели фатических вопросно-ответных единств в речевой практике носителей современного русского языка. Особое внимание уделяется так называемым псевдотавтологическим вопросно-ответным единствам типа: — Ты *откуда* здесь взялся? // — *Оттуда*.... Поднимается вопрос о со вмещении при актуализации этих единств в речи регулятивной и метакоммуникативной функций. Установлены две разновидности псевдотавтологических единств: ответная реплика по форме соответствует инициальной вопросительной (лексически и / или грамматически, фонетически и пр., ср. *куда* — *туда*, *кто* — *что* и пр.); ответная реплика по форме повторяет инициальную вопросительную реплику — полностью или частично. Показано, что в псевдотавтологических единствах реализуется особый вид прагматической связности — имплицитная, при которой связь инициальной и ответной реплик основана на обращении к условиям успешности, пресуппозициям и презумпциям, имплицатурам дискурса и пр. Делается вывод, что функционирование фатических псевдотавтологических вопросно-ответных единств в русском диалогическом дискурсе имеет существенную национальную обусловленность: акцент в речевом взаимодействии неизбежно переносится на межличностные отношения участников диалога, на самооценку общения в русской речевой практике.

Ключевые слова: диалог; фатическая функция; псевдотавтологическое вопросно-ответное единство; лингвокультурологическая интерпретация; национально-обусловленные модели коммуникации; современная русская речь.

1. Введение

Диалог является исходной, первичной формой существования языка, поэтому именно в диалогической речи заложены все основные принципы и закономерности, которые мы наблюдаем в других формах существования языка и его речевой реализации. Как указывает В. З. Демьянков, «диалог не только создает (опосредованно) новые ценности в человеческом обществе, но и обладает самоценностью. Вычеркните общение из человеческой жизни. Останется ли в ней тогда что-либо человеческое?» [Демьянков, 1992, с. 11].

В наши дни феномен диалога находится в центре притяжения самых разных отраслей гуманитарного знания — философии, психологии, социологии, культурологии, литературоведения и т. д. И в лингвистике сегодня говорят о становлении нового междисциплинарного направления — диалоговедения. Современный этап исследования диалога включает в себя и анализ внеязыкового окружения диалога, контекста и ситуации в широком смысле слова, то есть носит комплексный характер, обусловленный сложностью и многомерностью самого объекта изучения.

Новая стадия понимания устройства и функций диалога в структурно-семантическом подходе получила отражение в работах [Плотникова, 2012; Казаковская и др., 2015 и др.]. Прагматические аспекты диалога в социокультурном пространстве широко освещаются в работах [Байкулова, 2014; Матвеева, 2018 и др.]. Диалог в контексте дискурса-анализа анализируется в работах [Борисова, 2009; Русское повседневное общение ..., 2018 и др.], причем анализируется и специфика диалога в отдельных видах дискурса — научном [Вотрина, 2011 и др.], художественном [Масленников, 2017 и др.], публицистическом [Багдасарян, 2017 и др.], юридическом [Серова, Фролова, 2014 и др.] и т. д.

На этом фоне формируется еще один возможный аспект изучения диалога, а именно — лингвокультурологический. Вне всякого сомнения, базовые принципы и модели диалогического взаимодействия представляют собой коммуникативные универсалии и не зависят от особенностей национальных языков и культур. В то же время вполне обоснованным выглядит и положение, согласно которому диалогический дискурс в какой-то мере отражает национальные и культурные различия, имеет определенные черты этнообусловленности, что уже достаточно давно известно, например,

в преподавании иностранных языков, в теории и практике кросс-культурной коммуникации и т. д. Представление об этнокультурных свойствах диалога обуславливает важность предпринятого в работе лингвокультурологического описания особенностей ведения диалогического взаимодействия именно в русском национальном социокультурном пространстве.

Начиная с пионерских работ Р. О. Якобсона, Т. Г. Винокур и др., в теории диалога последовательно разграничивают две базовые разновидности речевого взаимодействия — и н ф о р м а т и к у, имеющую своей задачей обмен содержательной информацией между участниками диалога, и ф а т и к у, ориентированную прежде всего на установление межличностных отношений между собеседниками [Винокур, 1993; Якобсон, 1985 и др.]. Предполагается, что именно в области фатических диалогических интеракций проявляются национально обусловленные формы речевого общения людей. Указанные соображения позволяют сформулировать концепцию предпринятого исследования.

2. Обоснование концепции лингвокультурологического анализа национально-обусловленных моделей фатической диалогической коммуникации

Проблема изучения диалога через призму национально-культурных особенностей осознается в науке о языке примерно с начала 90-х годов XX века. В рамках становления антропоцентрической парадигмы в гуманитарном знании активизируется и лингвокультурологический аспект в изучении диалогического общения. Эта линия берет свое начало в теории преподавания иностранных языков и в обучении русскому языку как иностранному [Ланцева, 2013 и др.], в сопоставительных полилингвальных штудиях [Халитова, 2010 и др.] и в исследованиях по кросс-культурной коммуникации [Красных, 2002 и др.].

В основе современного понимания проблемы лежит положение, сформулированное в афористической форме Т. В. Матвеевой: «Непринужденные диалоги в их совокупности создают ту или иную атмосферу, тот воздух общения, который характеризует нацию в целом» [Матвеева, 2014, с. 123]. О неповторимой эмоциональной тональности русского дискурса, об особой ауре высказываний на русском языке говорит и А. Вежицкая [Вежицкая, 1997]. Проблематика исследований в этом направлении тесно связана с вопросами культуры речи как «взаимодействия внутринациональных культур» [Гольдин и др., 1993], с проблемами «ведения диалога как сферы лингвоэкологии» [Матвеева, 2014]. На этой основе можно поставить вопрос о национальном своеобразии совокупного речевого обще-

ния в целом, как это делается в работе «Национальное сознание, язык, стиль» [Арутюнова, 1995], и отдельных видов общения [Радбиль, 1999; Зализняк и др., 2005].

Дискурс в целом и диалогический дискурс, в частности, будучи отражением представлений о мире, ценностных приоритетов и речеповеденческих установок носителей языка, не может не быть национально и культурно обусловленным [Булыгина и др., 1997; Красных, 2002; Зализняк и др., 2005 и др.]. Примечательна в этой связи и сама постановка вопроса о «коммуникативных ценностях русской культуры» [Дементьев, 2013], которые являются неотъемлемой частью дискурсивных практик этноса и в силу этого проявляются на всех уровнях и во всех планах диалогического взаимодействия.

В методологических целях в настоящей работе разводятся понятия национальная специфика (специфичность) и национальная обусловленность. Различение этих понятий осуществляется в духе положений, развиваемых в коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [Зализняк и др., 2005].

Национальная специфика того или иного явления языка и речи состоит в его уникальности на когнитивном, коммуникативном или вербальном уровне, в так называемой «безэквивалентности», то есть в отсутствии прямых соответствий в других лингвокультурах, что выявляется в обязательных межязыковых сопоставлениях фактов разных языков.

Национальная обусловленность того или иного явления языка и речи, в свою очередь, заключается в том, что оно может быть выведено из каких-либо идей или принципов национальной языковой концептуализации мира, системы этнических идеалов и ценностей, речеповеденческих стереотипов и установок или каким-то иным образом соотносено с ними, независимо от того, имеет ли данное явление соответствие в других языках и культурах или не имеет. В этом случае уникальным может быть не само явление (например, представление о судьбе в русской ментальности), а «конфигурация смыслов» [Там же] и культурно-фоновых ассоциаций, стоящих за данным явлением и выражающихся на разных участках языковой системы.

О каких же национально обусловленных характеристиках русского диалогического дискурса может идти речь? Особое внимание не к содержательной, а к межличностной стороне речевой коммуникации, согласно А. Вежбицкой, вообще является яркой чертой именно русских моделей речевого взаимодействия. Это может свидетельствовать об ориентации «совокупного мира дискурса» русских людей на высококонтекстный тип

культуры [Красных, 2000] и проявляется, с одной стороны, в ориентации участников диалога на поддержание «эмоционального градуса» общения, а с другой — в их тяготении к категорическим моральным суждениям и, как следствие, к постоянному «выяснению отношений» [Вежбицкая, 1997]. Предполагается, что круг именно этих (и некоторых других) установок и моделей речевого взаимодействия обнаружит себя при анализе фатических диалогических вопросно-ответных единств в современной русской речи.

В настоящей статье представлен только один фрагмент предпринятого нами комплексного описания национально обусловленных моделей диалогических вопросно-ответных единств в речевой практике современных носителей русского языка, связанный с анализом особенностей прагматической организации и функционирования крайне интересного вида вопросно-ответных единств — так называемых «псевдотавтологических» вопросно-ответных единств: — *Ты откуда?* // — *Да оттуда* ...

На предварительном этапе исследования было выявлено деление фатических (и не только фатических) диалогов по функции на регулятивный и организационный (метакоммуникативный) типы речевых взаимодействий [Викторова, 2014; Иванова, 1999 и др.]. Под регулятивным типом понимается иллокутивно вынужденная или невынужденная реакция на иллокутивную функцию инициальной реплики (предоставление / непредоставление запрашиваемой информации, уточнение, переспрос, выражение отношения, выполнение просьбы, согласие / несогласие, разные типы оценочных реакций и пр.: — *А я вчера наконец в отпуск ушел!* // — *Хорошо тебе* [СНА]. Под метакоммуникативным типом понимается реакция «выхода на метауровень», то есть вербализация в ответе иллокутивной силы инициальной реплики или самого факта говорения: — *Ты идешь завтра с нами?* // — *Спрашиваешь* ... [Там же].

Дальнейшее исследование показало, что существует специфический функциональный тип вопросно-ответных единств, который именно в силу своей прагматической и функциональной специфики — неинформативной тавтологичности на внешнем, словесном уровне диалога, — как мы подробнее покажем далее, в разделе 3, совмещает в себе и регулятивную, и метакоммуникативную функции, то есть является синкретичным. Такие единства получили в нашей концепции условное наименование «псевдотавтологические». Именно они и стали объектом данного исследования.

Цель исследования — описать структурно-семантические разновидности и функции фатических псевдотавтологических диалогических вопросно-ответных единств в русской речи и дать им последующую лингвокультурологическую интерпретацию.

Материалом исследования являются данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и языковые образцы, представленные в картотеке собственных наблюдений автора за русской живой разговорной речью [СНА]. Главным образом в собранном материале представлены вопросно-ответные единства из живой спонтанной разговорной речи (в том числе в неформальной интернет-коммуникации) или подобные конструкции, имитирующие эту стилевую разновидность речи, извлеченные из текстов, принадлежащих художественному, публицистическому и пр. дискурсам. Незначительная часть материала включает в себя данные интервью, бесед, круглых столов и под. в медийном дискурсе.

В работе использована комплексная методика анализа явлений речевого взаимодействия, включающая элементы методов структурно-семантического описания, функционального анализа, коммуникативно-прагматического анализа, когнитивного анализа и дискурс-анализа на основе лингвокультурологического подхода к интерпретации национально обусловленных характеристик анализируемого языкового материала.

3. Анализ фатических псевдотаавтологических диалогических вопросно-ответных единств в русской речи

Под *псевдотаавтологическими фатическими диалогическими единствами* понимаются вопросно-ответные реплики, в которых ответная реакция на внешнем, языковом уровне либо повторяет (полностью или частично) какой-либо словесный фрагмент вопросной реплики, либо отражает какой-либо иной вид языковой избыточности, но при этом на уровне импликатур дискурса выводится нетривиальная информация: — *Ты откуда здесь взялся? // — Оттуда ...* [СНА].

Именно это позволяет нам говорить о синкретизме функций в фатических вопросно-ответных единствах подобного рода, то есть о совмещении регулятивной и метакоммуникативной функций (об этих двух основных функциях диалогического взаимодействия было сказано выше, в разделе 2).

С одной стороны, на внешнем уровне здесь можно видеть ответную реакцию метакоммуникативного типа, так как отвечающий реагирует на форму, на словесное наполнение инициального вопроса (*откуда → оттуда; куда → туда*), осуществляя своего рода «передразнивание»: — *Куда ты собрался? // — Да все туда же ...* [Там же]. Здесь отвечающий так или иначе учитывает особенность постановки вопроса другим участником диалога в своей ответной реплике и воспроизводит его в несколько преобразованном виде.

С другой стороны, в двучленных диалогических единствах подобного типа за эксплицитной тавтологичностью содержится имплицитная нетривиальная информация о состоянии отвечающего и о его отношении к ситуации в целом, к речевому акту инициатора, оценка уместности вступления в коммуникацию и пр., что выводится в качестве имплицатуры дискурса (анализ подобных тавтологий — см. в работе [Булыгина и др., 1997]), то есть, по сути, мы все же имеем дело с ответной реакцией регулятивного типа: — *Ну ты идешь, что ли?* // — *Да иду, иду уже ...* [СНА]. Здесь в виде имплицатуры дискурса выводится эмоция раздражения как ответная реакция на тривиальность вопроса или на его несвоевременность по мнению отвечающего.

3.1. Псевдотавтологические единства в ряду схожих явлений фатической коммуникации

Диалоги рассмотренного выше типа, на наш взгляд, имеют значительную долю идиоэтничности, национальной обусловленности, они распространены в речевой практике носителей русского языка, и заложенные в них культурные коды легко прочитываются и воспроизводятся носителями языка. В подтверждение этому приведем пример из работы Д. Б. Гудкова. В одном из кинофильмов, которые смотрела группа американских студентов, был представлен следующий диалог между мужем и женой: — *Почему ты не спишь?* // — *Что-то не спится.* Американцы восприняли вторую реплику как совершенно тавтологичную (Почему ты не спишь? // Потому что я не сплю), что в данной коммуникативной ситуации было квалифицировано как грубость и отказ продолжать разговор [Гудков, 2003, с. 220]. Но для носителя русских культурных кодов при кажущейся со стороны тавтологичности в ответе, в его имплицитном компоненте, содержится значимая для участников диалога, нетривиальная информация о невербализуемых и не вполне осознаваемых причинах состояния адресата (отражение идеи «непредсказуемости мира», неконтролируемости человеком внешних событий и внутренних состояний и пр. [Вежбицкая, 1997; Зализняк и др., 2005 и др.]).

В нашем материале также широко представлены подобные псевдотавтологические вопросно-ответные единства. Правда, здесь следует сделать одну оговорку. Не все случаи разного рода повторов, переключек реплик и их паронимических сближений в диалоге относятся к тавтологическим (то есть к псевдотавтологическим). Так, на наш взгляд, не являются тавтологическими (даже с первой частью псевдо-) вполне обычные полные ответы на общий вопрос типа: — *Ты пойдешь завтра на лекции?* // — *Да, я пойду завтра на лекции* [СНА]. Конечно, здесь тоже имеется определенная ком-

муникативно-прагматическая избыточность (в живой разговорной речи мы все же чаще услышим сокращенный ответ *Да* или *Пойду*). Но все же, несмотря на повтор, перед нами не фатическая, а информативная коммуникация, причем прагматическая согласованность реплик здесь также вполне ожидаемая (в ответе на вопрос адресатом предоставляется запрашиваемая говорящим информация), то есть здесь нет тавтологии.

К тавтологическим (псевдотавтологическим) вопросно-ответным единствам мы относим лишь такие, которые выступают на формальном уровне как неинформативные (избыточные или бессмысленные), то есть такие, в которых интерпретация эксплицитно выраженной информации в диалоге возможна лишь при обращении к имплицитным смыслам (пресуппозициям, импликациям, условиям успешности, имплицатурам дискурса и под.), к контексту и ситуационному фону, к общим фоновым знаниям о мире и о ситуации говорящего и слушающего и пр., например: — *Ну, ты пойдешь?* // — *Пойду!* Также к тавтологическим (псевдотавтологическим) единствам отнесем случаи полных и частичных повторов, при которых стандартная иллюкутивная зависимость (типа «вопрос — ответ») по тем или иным причинам нарушена, например, ответ вопросом на вопрос: — *Ты пойдешь завтра на лекции?* // — ***Я пойду завтра на лекции?*** (с определенной просодией).

Именно в силу того, что в эксплицированной форме представлено недостаточное количество информации и основная нагрузка ложится на имплицитный фон, не всегда можно точно квалифицировать, к регулятивным или метакоммуникативным фатическим вопросно-ответным единствам относятся подобные случаи, поэтому мы и предпочитаем говорить о совмещении функций, о синкретизме.

3.2. Разновидности псевдотавтологических единств

По интенциям спрашивающего и отвечающего, по иллюкутивным особенностям речевого взаимодействия псевдотавтологические вопросно-ответные единства весьма разнообразны. В обследованном материале представлены следующие функционально-семантические разновидности фатических псевдотавтологических вопросно-ответных единств: (1) ответная реплика по форме *с о о т в е т с т в у е т* инициальной вопросительной (лексически и / или грамматически, фонетически и пр., типа *куда — туда, кто — что* и пр.); (2) ответная реплика по форме *п о в т о р я е т* инициальную вопросительную реплику — полностью или частично.

(1) ПСЕВДО-ТАВТОЛОГИЧЕСКИЕ единства с ответной репликой, по форме соответствующей инициальной реплике, можно подразделять по дополнительному классификационному признаку иллюкутивной зависимости (во-

прос — ответ и пр.) / независимости (вопрос — вопрос, вопрос — сообщение или побуждение и пр.).

Приведем примеры иллюкутивно-независимых псевдотавтологических единств (вопрос — вопрос, вопрос — сообщение или побуждение и пр.):

— *И зачем тебе меня такую видеть? // — А какую я тебя еще могу увидеть?* (А. Берсенева. Полет над разлукой, 2003—2005) [НКРЯ].

— *Как, и это все? — недоуменно глядя на коробку, спросил посетитель. // — А что еще-то?* (Б. Поздняков. Переходящее красное знамя // Сибирские огни, 2012) [Там же].

Примечательная особенность указанных случаев состоит в том, что в них реализован особый тип прагматической связности реплик в диалоге — *имплицитная связность*, подробно описанная в работе Е. В. Падучевой: речь идет о связи реплик на основе обращения к условиям успешности, к пресуппозициям и презумпциям, к имплицатурам дискурса и пр. [Падучева, 1982, с. 306]. Так, в последнем примере реальная иллюкутивная сила ни инициального вопроса, ни ответной реплики не является вопросительной, то есть в импликации обе реплики являются согласованными по пропозициональной части утверждениями и представляют собой косвенные речевые акты. Здесь и первый, инициальный, вопрос (*Как, и это все?*) является положительным утверждением о недостаточном количестве чего-то (= Этого мало), и второй, реактивный, вопрос (*А что еще-то?*) является утверждением-возражением против оценки данного количества как достаточного (= По-моему, достаточно), согласованным по пропозициональному содержанию с первым.

Те же свойства обнаруживаются и в случаях иллюкутивно-зависимых псевдотавтологических единств, созданных по стандартной модели иллюкутивного вынуждения (вопрос — ответ) [Баранов и др., 1992]:

— *Как достали? Откуда? / — Откуда, откуда ... Да все оттуда же* (В. Тендряков. Не ко двору, 1954) [НКРЯ];

— *Ну что вызывает у вас сомнения? // — Да все то же, — сказал Гуров* (А. Макеев, Н. Леонов. Ментовская крыша, 2004) [Там же];

— *А почему он их не уничтожил? // — Да потому!* (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но ..., 2011) [Там же];

— *Что ты видишь, любовь моя? — спросила его шепотом Лис. // — Я думаю, то же, что и ты, ангел мой, — шепотом ответил Тадам* (М. Тихомиров. Национальная демография, 2014) [Там же].

В данных примерах ответная реплика актуализует обращение к известным и говорящему, и слушающему обстоятельствам, не называя их, то есть

прагматическая связность в вопросно-ответном единстве осуществляется за счет апелляции к общему пресуппозиционному фону. Это позволяет закладывать в данные модели коммуникации разного рода имплицитурные дискурсы эмоционального и экспрессивного типа, выводимые именно из небуквальной интерпретации тавтологии [Булыгина и др., 1997].

В целом все рассмотренные явления объединяет заинтересованное внимание собеседников именно к фатической стороне коммуникации (так как непосредственное ее содержание либо полагается известным или неважным, либо выводится из контекста или ситуации). Акцент в речевом взаимодействии подобного типа неизбежно переносится на межличностные отношения участников диалога, на феномен коммуникации как таковой.

(2) Псевдотавтологические единства с ответной репликой, по форме полностью или частично повторяющие инициальную реплику, делятся по дополнительному классификационному признаку иллюкутивной зависимости (вопрос — ответ и пр.) / независимости (вопрос — вопрос, вопрос — сообщение или побуждение и пр.).

Далее приведем примеры иллюкутивно-независимых вопросных единств (вопрос — вопрос, вопрос — сообщение или побуждение и пр.).

— *Ты мне не веришь?* // — *Как тебе не верить?* (Е. Белкина. От любви до ненависти, 2002) [НКРЯ];

— *Что ты об этом думаешь?* // — *А что я могу думать?* (А. Савельев. Аркан для букмекера, 2000) [Там же];

— *Что ты сказал?* — *Сергей подскочил к Липтю.* // — *А что я сказал?* (А. Мельник. Авторитет, 2000) [Там же];

— *Что же вы не отвечаете?* // — *Что мне отвечать?* (Н. Морозов. Повести моей жизни / Дни испытания, 1912) [Там же];

— *И зачем тебе это было надо?* // — *Как зачем?* (М. Трауб. Нам выходить на следующей, 2011) [Там же].

Для примеров этой группы также характерна по преимуществу имплицитная связность, которая проявляется в обращении к имплицитурам дискурса, основанным на небуквальной интерпретации тавтологии — подобные случаи подробно анализируются в работах [Булыгина и др., 1997; Падучева, 1982]:

Лэсси мгновенно насторожилась. — Что ты хочешь сказать? // — А ты что хочешь сказать? — фыркнула Тилли (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона / Девочки из колодца, 2004) [НКРЯ]. Здесь представлена имплицитурная ‘Я не понимаю, что ты от меня хочешь’;

— *И тебе не стыдно?! // — Почему же мне должно быть стыдно? — удивился Ёжик* (С. Козлов. Правда, мы будем всегда? 1969—1981) [Там же]. Здесь мы видим импликацию ‘Мне нечего стыдиться’;

— *И что ты сказал?.. // — А что на это скажешь?..* (А. Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 1—25, 1968) // Новый Мир, 1990) [Там же]. Здесь выявляется импликация ‘В этой ситуации слова бесполезны’;

— *Как вы себя чувствуете, Юрий Иванович? // — Ну как вы думаете, как я могу себя чувствовать?* (Д. Гранин. Зубр, 1987) [Там же]. Здесь просматривается импликация ‘Вы и сами должны понимать, что в известных вам обстоятельствах я не могу чувствовать себя хорошо’.

В подобных случаях мы, очевидно, имеем дело с проявлением речевых тактик «выхода на метауровень», когда коммуникантов интересует не объективная ситуационная сторона речевого общения, а выражение своего настроения, собственного отношения к собеседнику или ситуации в целом, обсуждение способа или манеры ведения диалога. В таких вопросно-ответных единствах воплощается установка на «выяснение отношений», столь характерная, по мнению ряда ученых [Вежбицкая, 1997], для национально обусловленных моделей диалогической коммуникации, что, в свою очередь, является показателем так называемой «высококонтекстной» культуры [Красных, 2002].

Не менее разнообразны и интересны примеры иллокутивно-зависимых единств, организованных по модели «вопрос — ответ»:

— *Правильно кровь остановили? // — Правильно кровь остановили* (М. Аромштам. Мохнатый ребенок, 2010) [НКРЯ];

— *Кого бы ты хотел играть? // — Разве ты не знаешь, кого!* (В. Аксенов. Звездный билет // Юность, 1961) [Там же].

В подобных случаях обнаруживаются самые разнообразные модели переключения из режима информации в режим фатики, которые опять же реализуются посредством имплицитной связности:

— *А что доктор говорит? — спросил Карась. // — Да что тут говорить. Говорить более нечего, — просипел Мышлаевский* (М. Булгаков. Белая гвардия, 1923—1924) [Там же]. В этом случае выводится импликация дискурса, связанная с наличием душевной близости и взаимопонимания участников речевого взаимодействия, которым и так все ясно без слов, что характерно именно для национально обусловленных моделей коммуникации.

В ряде случаев мы видим реакцию отвечающего не на иллокутивную силу частновопросительной реплики (*что-, кто-, как-, где-, когда-*вопросы), а на пресуппозицию его утвердительной пропозиции:

— *Что молчишь?* // — *Я не молчу*, — ответил Саид (А. Белозеров. Чайка, 2001) [Там же]. В ответной реплике коммуникант реагирует на утвердительную пресуппозицию инициального вопроса ‘ты молчишь’;

— *И когда ты перестала надеяться?* // — *Ну что вы, Федя, я и сейчас надеюсь* (Э. Радзинский. Старая актриса на роль жены Достоевского, 1981) [Там же]. В ответной реплике коммуникант реагирует на утвердительную пресуппозицию инициального вопроса ‘на данный момент речи ты не надеешься’.

Указанные явления могут быть связаны с реализацией манипулятивной стратегии de re (противостоящей объективной, нейтральной стратегии de dicto): «При стратегии de dicto говорящий использует номинации, которые счел бы адекватными и субъект передаваемого мнения; при номинации de re говорящий все переименовывает в соответствии со своими представлениями о реальности. <...> Стратегия de dicto направлена на адекватную передачу чужого мнения; стратегия de re всегда маркирована и выбирается со специальной целью» [Булыгина и др., 1997, с. 474]:

— *Что ты хочешь получить взамен?* // — *Я скажу, чего я не хочу получить, великий хан* (Б. Васильев. Ольга, королева русов, 2002) [НКРЯ]. Здесь отвечающий манипулятивно реагирует не на вопрос об объекте приобретения, а на утвердительную пресуппозицию ‘ты что-то хочешь получить’, тем самым получая возможность вместо ответа высказать свою позицию по поводу того, о чем его не спрашивали.

В следующем примере стратегия de re проявляется в манипулятивном приеме переключения темы на рему: — *Это уже интересно. Как полагаешь?* // — *Так и полагаю. Затем и Глеба послал* (Е. Парнов. Третий глаз Шивы, 1985) [Там же]. Здесь отвечающий сознательно переинтерпретирует обычный метаязыковой показатель пропозициональной установки (типа *как думаешь, как считаешь, как полагаешь* и пр.) как рематический центр высказывания — полноценный глагол мнения, — не отвечая на поставленный вопрос, а эксплицируя свое интенциональное состояние полагания.

В целом во всех проанализированных выше случаях собеседники не столько обсуждают объективную содержательную сторону коммуникации (которая по умолчанию им известна или не представляет интереса), сколько озабочены поддержанием самого процесса речевого взаимодействия, выяснением позиций друг друга, отношения к ситуации или друг к другу, то есть заинтересованы во взаимопонимании.

Особый интерес представляют псевдотавтологические вопросно-ответные единства, в которых практически весь основной блок информации

представлен в имплицитном виде, а эксплицируются только внешние сигналы диалогического взаимодействия. Можно сказать, что в таких случаях осуществляется максимальная «компрессия смысла». Полный смысл может быть восстановлен лишь при обращении к контексту, к ситуации и к общему фонду знаний о мире и оперативной памяти участников диалога. Приведем несколько примеров:

— псевдотавтологическое единство с ответной репликой, по форме с ответствующей инициальной реплике: *Она вцепилась ему в руку. // — Как? // — Да вот так, — ответил он. // Потом они стояли, молчали, подавленные всем этим ...* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3, 1978) [Там же]. В данном случае большой блок имплицитных смыслов все же может быть выведен в виде импликатур дискурса. Здесь, в частности, мы можем предположить, что отвечающий имеет в виду что-то вроде 'Ты и сама все знаешь, потому что мы с тобой думаем и чувствуем одинаково → Твой вопрос неинформативен и означает лишь потребность в коммуникации, в поддержании контакта → Я знаю это и потому отвечаю столь же неинформативно, чтобы психологически помочь тебе и показать, что мы на одной волне';

— псевдотавтологическое единство с ответной репликой, по форме повторяющей инициальную реплику: — *А что твой Димка? // — Ну, что Димка?* (В. Аксенов. Звездный билет // Юность, 1961) [Там же]. В этом случае полноценная коммуникативная и смысловая интерпретация вопросно-ответного единства также возможна лишь при обращении к предельно широкому контексту, предполагает знание событийного ряда и референциальной истории. Реально же мы можем говорить только о предельно общих смыслах, выводимых в качестве следующей импликатуры дискурса: 'В данный момент я не могу или не хочу сообщить тебе какую-либо нетривиальную информацию о Димке, так как он, с моей точки зрения, находится вне сферы значимости для меня и, как полагаю, для тебя тоже'.

Оба рассмотренных примера выступают в качестве ярких образцов проявления такой национально обусловленной речеповеденческой установки, как эмпатия — личностная вовлеченность в коммуникацию, сочувственное приятие позиции собеседника и пр. [Вежбицкая, 1997; Радбиль, 2011; Радбиль и др., 2017 и др.].

4. Выводы

В целом проведенный анализ позволил установить наличие в псевдотавтологических моделях русских фатических диалогических вопросно-ответных единств таких национально обусловленных характеристик об-

щения, как установка на эмпатию, чрезмерная гиперболизация отношения к обсуждаемой ситуации, гипертрофия оценки при осуществлении речевого общения («моральная страстность», согласно А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1997]) и стремление к мотивированному ситуацией или немотивированному «выяснению отношений».

Можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев участники коммуникации проявляют речевые тактики «выхода на метауровень», когда коммуникантов интересует не объективная ситуационная сторона диалога, а выражение своего настроения, отношения к собеседнику или ситуации в целом, обсуждение самой манеры ведения диалога. Это характерно именно для русских национально обусловленных моделей диалогической коммуникации.

Показано, что все проанализированные случаи характеризует внимание говорящих именно к фатической стороне коммуникации: акцент в речевом взаимодействии неизбежно переносится на межличностные отношения участников диалога, на феномен коммуникации и ее самоценность, на важность поддержания такой специфически русской речеповеденческой деятельности, как *общение* — подробнее об этом см. [Зализняк и др., 2005].

Собеседники в такой ситуации, как это в целом присуще высококонтекстному типу культуры [Красных, 2002], ориентированы скорее на то, с кем, как и в каких условиях нечто говорится, нежели что именно говорится, и не слишком озабочены рациональной, содержательной стороной речевого общения.

Источники и принятые сокращения

1. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>.
2. СНА — *Картотека* собственных наблюдений автора за русской живой разговорной речью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Национальное сознание, язык, стиль / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика на исходе XX века : итоги и перспективы: Тезисы международной конференции : В 2-х т. — Москва : МГУ, 1995. — Т. I. — С. 32—33.
2. Багдасарян Э. Ю. Вопросно-ответная серия как тип диалогического текста (на материале современного англоязычного пресс-брифинга) / Э. Ю. Багдасарян // *Litera*. — 2017. — № 1. — С. 67—75.
3. Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности : повседневная речь горожан / А. Н. Байкулова. — Саратов : Наука, 2014. — 216 с.
4. Баранов А. Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин // *Вопросы языкознания*. — 1992. — № 2. — С. 84—99.

5. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог : структура и динамика / И. Н. Борисова. — Изд. 3-е. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 320 с.
6. *Булыгина Т. В.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — 576 с.
7. *Вежибicka А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежибicka ; перевод с англ. ; ответственный редактор и составитель М. А. Кронгауз ; вступительная статья Е. В. Падучевой. — Москва : Русские словари, 1997. — 416 с.
8. *Викторова Е. Ю.* Функционирование дискурсивных слов с диффузным значением / Е. Ю. Викторова // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 383. — С. 27—34.
9. *Винокур Т. Г.* Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего / Т. Г. Винокур // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / под редакцией Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева ; Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — Москва : Наука, 1993. — С. 5—29.
10. *Вотрина Е. Н.* Функционирование категории диалогичности в научных текстах XX века : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. Н. Вотрина ; ВГУ. — Волгоград, 2011. — 158 с.
11. *Гольдин В. Е.* Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина // Вопросы стилистики. Проблемы культуры речи / ответственный редактор О. Б. Сиротинина. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1993. — Выпуск 25. — С. 9—19.
12. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — Москва : Гнозис, 2003. — 288 с.
13. *Дементьев В. В.* Коммуникативные ценности русской культуры : категория персональности в лексике и прагматике / В. В. Дементьев. — Москва : Глобал Ком, 2013. — 336 с.
14. *Демьянков В. З.* Тайна диалога / В. З. Демьянков // Диалог : теоретические проблемы и методы исследования : Сборник научно-аналитических обзоров / ответственный редактор Н. А. Безменова. — Москва : ИНИОН, 1991. — С. 11—44.
15. *Зализняк А. А.* и др. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сборник статей / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
16. *Иванова Е. А.* Лексические пограничные маркеры минимальных диалогических единиц : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.21 / Е. А. Иванова. — Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999. — 169 с.
17. *Казаковская В. В.* Вопросо-ответные единства, апеллирующие к точке зрения адресата / В. В. Казаковская, М. В. Хохлова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. — 2015. — Т. 11. — № 1. — С. 401—437.
18. *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.
19. *Ланцева Е. А.* Проблема отбора диалогических единиц в аспекте обучения коммуникативной грамматике русского языка как неродного [Электронный ресурс] / Е. А. Ланцева // Гуманитарный вестник. — 2013. — Выпуск 3 (5). — Режим доступа : <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/lang/ling/45.html>.
20. *Масленников С. В.* Диалогические единства в исторических хрониках А. Н. Островского : структура — семантика — функционирование / С. В. Масленни-

ков // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2017. — № 4. — С. 230—233.

21. *Матвеева Т. В.* Ведение диалога как сфера лингвоэкологии / Т. В. Матвеева // Экология языка и коммуникативная практика. — 2014. — № 2. — С. 121—131.

22. *Матвеева Т. В.* О методе выявления ценностной информации разговорного диалога / Т. В. Матвеева // Научный диалог. — 2018. — № 10. — С. 89—101.

23. *Падучева Е. В.* Прагматические аспекты связности диалога / Е. В. Падучева // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1982. — Т. 41. — № 4. — С. 305—313.

24. *Плотникова А. В.* Средства связи компонентов диалогических единств / А. В. Плотникова // Филологические науки в России и за рубежом : материалы Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). — Санкт-Петербург : Реноме, 2012. — С. 157—159.

25. *Радбиль Т. Б.* Прецедентные тексты в языковой картине мира / Т. Б. Радбиль // Языковая картина мира в синхронии и диахронии : сборник научных трудов. — Нижний Новгород : НГПУ, 1999. — С. 34—41.

26. *Радбиль Т. Б.* О концепции изучения русского языкового менталитета / Т. Б. Радбиль // Русский язык в школе. — 2011. — № 3. — С. 54—60.

27. *Радбиль Т. Б.* Русский язык начала XXI века : лексика, словообразование, грамматика, текст : коллективная монография / Т. Б. Радбиль, Е. В. Маринова, Л. В. Рацибурская, Н. А. Самыличева, А. В. Шумилова, Е. В. Щеникова, С. Н. Виноградов, Е. А. Жданова. — Нижний Новгород : Издательство ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2014. — 325 с.

28. *Радбиль Т. Б.* Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке : лингвокультурологический аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская // Мир русского слова. — 2017. — № 2. — С. 33—39.

29. *Русское повседневное общение : прагматика, культурология* / И. Н. Борисова, С. Ю. Данилов, Т. В. Матвеева, Н. Н. Розанова, И. В. Шалина. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. — 442 с.

30. *Серова Т. С.* Диалогическое единство и единица диалогической речевой деятельности при обучении иностранному языку будущих юристов / Т. С. Серова, Т. П. Фролова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия : Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. — 2014. — Т. 20, № 1. — С. 125—129.

31. *Халитова Л. К.* Роль дискурсивной лексики в создании гармоничного диалога (на примере контактоустанавливающих средств русского, английского и татарского языков) / Л. К. Халитова // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2010. — Т. 152, Книга 6. — С. 95—105.

32. *Якобсон Р. О.* Избранные работы / Р. О. Якобсон. — Москва : Прогресс, 1985. — 455 с.

PSEUDOTAUTOLOGICAL QUESTION-ANSWER UNITY IN RUSSIAN DIALOG: NATIONAL CONDITIONING OF THE MODELS OF PHATIC COMMUNICATION

© **Igor A. Kuznetsov (2020)**, orcid.org/0000-0003-1683-5507, РИНЦ AuthorID 808804, PhD in Economics, post graduate student, Department of Contemporary Russian Language and

General Linguistics, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), associate professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Dmitry Mendeleev University of Chemical Technology of Russia (Moscow, Russia), igorkuznetz@gmail.com.

Nationally determined models of phatic question-answer unities in the speech practice of native Russian speakers are considered. Particular attention is paid to the so-called pseudo-tautological question-answer unities of the type: — *Where did you come here from? // — From there....* The question is raised about combining, when actualizing these unity, in speech, regulatory and metacommunicative functions. Two varieties of pseudotautological unity have been established: the response line in form corresponds to the initial interrogative (lexically and / or grammatically, phonetically, etc., cf. *where — there, who — what*, etc.); the response line in form repeats the initial interrogative line — in whole or in part. It is shown that in pseudo-tautological unities a special kind of pragmatic connection is realized — implicit, in which the initial and response lines are based on the appeal to conditions of success, presuppositions and presumptions, discourse implications, etc. It is concluded that the functioning of the phatic pseudo-tautological question-answer unities in the Russian dialogical discourse has a significant national conditionality: the emphasis in speech interaction is inevitably transferred to the interpersonal relations of the participants in the dialogue, to the value of communication in Russian speech practice.

Key words: dialogue; phatic function; pseudo-tautological question-answer unity; linguoculturological interpretation; nationally determined communication models; modern Russian speech.

MATERIAL RESOURCES

NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>. (In Russ.).

SNA — *Kartoteka sobstvennykh nablyudeniy avtora za russkoy zhivoy razgovornoy rechyu*. (In Russ.).

REFERENCES

- Arutyunova, N. D. (1995). Natsionalnoye soznaniye, yazyk, stil'. In: *Lingvistika na iskhode XX veka: itogi i perspektivy: tezisy mezhdunarodnoy konferentsii: v 2-kh t., 1*. Moskva: MGU. 32—33. (In Russ.).
- Bagdasaryan, E. Yu. (2017). Voprosno-otvetnaya seriya kak tip dialogicheskogo teksta (na materiale sovremennogo angloyazychnogo press-brifinga). *Litera, 1*: 67—75. (In Russ.).
- Baykulova, A. N. (2014). *Ustnoye neofitsialnoye obshcheniye i yego raznovidnosti: povsednevnyaya rech' gorozhan*. Saratov: Nauka. (In Russ.).
- Baranov, A. N., Kreydlin, G. E. (1992). Illokutivnoye vnutzhdeniye v strukture dialoga. *Voprosy yazykoznanija, 2*: 84—99. (In Russ.).
- Borisova, I. N., Danilov, S. Yu., Matveyeva, T. V., Rozanova, N. N., Shalina, I. V. (2018). *Russkoye povsednevnoye obshcheniye: pragmatika, kulturologiya*. Ekaterinburg: Gumanitarnyy universitet. (In Russ.).
- Borisova, I. N. (2009). *Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika*. Moskva: Knizhnyy dom «LIBROKOM». (In Russ.).

- Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1997). *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).
- Demyanov, V. V. (2013). *Kommunikativnyye tsennosti russkoy kultury: kategoriya personalnosti v leksike i pragmatike*. Moskva: Global Kom. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z., Bezmenova, N. A. (ed.) (1991). *Tabna dialoga*. In: *Dialog: teoreticheskiye problemy i metody issledovaniya: sbornik nauchno-analiticheskikh obzorov*. Moskva: INION. 11—44. (In Russ.).
- Goldin, V. E., Sirotinina, O. B. (1993). Vnutrinsatsionalnyye rechevye kultury i ikh vzaimodeystviye. In: *Voprosy stilistiki. Problemy kultury rechi*, 25. Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta. 9—19. (In Russ.).
- Gudkov, D. B. (2003). *Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii*. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
- Ivanova, E. A. (1999). *Leksicheskiye pogranchnyye markery minimalnykh dialogicheskikh yedinit: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva: MGU im. M. V. Lomonosova. (In Russ.).
- Kazakovskaya, V. V., Khokhlova, M. V. (2015). Voprosy-otvetnyye yedinstva, apelliruyushchiye k tochke zreniya adresata. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 11 (1): 401—437. (In Russ.).
- Khalitova, L. K. (2010). Rol' diskursivnoy leksiki v sozdanii harmonichnogo dialoga (na primere kontaktoustanavlivayushchikh sredstv russkogo, angliyskogo i tatarskogo yazykov). *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnyye nauki»*, 152 (6): 95—105. (In Russ.).
- Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya: kurs lektsiy*. Moskva: ITDGG «Gnozis». (In Russ.).
- Lantseva, E. A. (2013). Problema otbora dialogicheskikh yedinit v aspekte obucheniya kommunikativnoy grammatike russkogo yazyka kak nerodnogo. *Gumanitarnyy vestnik*, 3 (5). Available at: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/lang/ling/45.html>. (In Russ.).
- Maslennikov, S. V. (2017). Dialogicheskiye yedinstva v istoricheskikh khronikakh A. N. Ostrovskogo: struktura — semantika — funktsionirovaniye. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, 4: 230—233. (In Russ.).
- Matveyeva, T. V. (2014). Vedeniye dialoga kak sfera lingvoekologii. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2: 121—131. (In Russ.).
- Matveyeva, T. V. (2018). O metode vyyavleniya tsennostnoy informatsii razgovornogo dialoga. *Nauchnyy dialog*, 10: 89—101. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (1982). Pragmaticheskiye aspekty svyaznosti dialoga. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 41 (4): 305—313. (In Russ.).
- Plotnikova, A. V. (2012). Sredstva svyazi komponentov dialogicheskikh yedinstv. In: *Filologicheskyye nauki v Rossii i za rubezhom: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Sankt-Peterburg, fevral' 2012 g.)*. Sankt-Peterburg: Renome. 157—159. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Marinova, E. V., Ratsiburskaya, L. V., Samylicheva N. A., Shumilova, A. V., Shchenikova, E. V., Vinogradov, S. N., Zhdanova, E. A. (2014). *Russkiy yazyk nachala XXI veka: leksika, slovoobrazovaniye, grammatika, tekst: kollektivnaya monografiya*. Nizhniy Novgorod: Izdatelstvo NNGU im. N. I. Lobachevskogo. (In Russ.).

- Radbil, T. B. (1999). Pretsedentnye teksty v yazykovoy kartine mira. In: *Yazykovaya kartina mira v sinkhronii i diakhronii: sbornik nauchnykh trudov*. Nizhniy Novgorod: NGPU. 34—41. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2011). O kontseptsii izucheniya russkogo yazykovogo mentaliteta. *Russkiy yazyk v shkole*, 3: 54—60. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Ratsiburskaya, L. V. (2017). Slovoobrazovatelnyye innovatsii na baze zaimstvovannykh elementov v sovremennom russkom yazyke: lingvokulturologicheskiy aspekt. *Mir russkogo slova*, 2: 33—39. (In Russ.).
- Serova, T. S., Frolova, T. P. (2014). Dialogicheskoye yedinstvo i yedinita dialogicheskoy rechevoy deyatel'nosti pri obuchenii inostrannomu yazyku budushchikh yuristov. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsialnaya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika*, 20 (1): 125—129. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1997). *Yazyk. Kultura. Poznaniye*. Moskva: Russkiye slovari. (In Russ.).
- Viktorova, E. Yu. (2014). Funktsionirovaniye diskursivnykh slov s diffuznym znacheniyem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 383: 27—34. (In Russ.).
- Vinokur, T. G. (1993). Informativnaya i faticeskaya rech' kak obnaruzheniye raznykh kommunikativnykh namereniy govoryashchego i slushayushchego. In: *Russkiy yazyk v yego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt*. Moskva: Nauka. 5—29. (In Russ.).
- Votrina, E. N. (2011). *Funktsionirovaniye kategorii dialogichnosti v nauchnykh tekstakh XX veka: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Volgograd, VGU. (In Russ.).
- Yakobson, R. O. (1985). *Izbrannyye raboty*. Moskva: Progress. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira: sbornik statey*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).